

Численность населения Калмыцкого ханства во второй половине XVII–XVIII веке и его мобилизационный потенциал

У. Б. Очиров

Калмыцкий НЦ РАН,

г. Элиста

utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу численности Калмыцкого ханства от начала его возникновения в середине XVII в. и до его ликвидации в 1771 г., а также его мобилизационного потенциала. Исследование показало, что в середине XVII в. численность населения Калмыцкого ханства составляла 50 тыс. семей (кибиток) и в последующие десятилетия возросла до 100 тыс. за счет захватов и естественного прироста. Однако с конца XVII в. из-за междоусобиц и мятежей численность населения Калмыцкого ханства стала заметно сокращаться. Междоусобицы прекратились только к началу 1740-х гг., когда численность населения уменьшилась до 30 тыс. кибиток, в том числе и за счет увеличения количества семей в одной кибитке. В последующие годы численность населения увеличилась до 40–45 тыс. семей, но в 1771 г. руководство Калмыцкого ханства увело большую часть калмыков в Джунгарию. Анализ мобилизационного потенциала показал, что максимальная численность калмыцкой конницы ограничивалась нормой «один воин с двух семей». Превышение этой нормы было невозможно по экономическим причинам. В войнах второй половины XVII–первой трети XVIII в. Калмыцкое ханство выставляло войска до 10 тыс. всадников. В последующих войнах в походы стали направлять до 20 тыс. всадников, что свидетельствует о большом мобилизационном напряжении сил.

Ключевые слова:

Российская армия, кочевники, калмыки, русско-турецкие войны, демография, мобилизационный потенциал

Калмыки – это потомки ойратов – западномонгольских кочевников. В период средневековья этнический состав этого союза племен менялся. К концу XV–XVI вв. в составе союза ойратов стали преобладать этнические группы (позже превратившиеся в субэтноты калмыков) хошуты, чоросовы (с XVII в. за ними закрепляется этноним «зюнга-ры», или «джунгары»), торгутов, дербетов. В каждой из этих групп могло быть несколько владельцев (нойонов), ведущих самостоятельную политику, иногда враждебную друг другу. Такие политии в калмыковедении принято именовать этнополитическими объединениями [1, с. 248–

The population of the Kalmyk Khanate in the second half of the XVII–XVIII centuries and its mobilization potential

U. B. Ochirov

Kalmyk Science Centre, RAS,

Elista

utash-ochirov@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the analysis of the population of the Kalmyk Khanate from its emergence in the mid-XVII century until its dissolution in 1771, as well as its mobilization potential. The study revealed that in the mid-XVII century, the population of the Kalmyk Khanate amounted to 50,000 families (tents), and in the following decades it increased to 100 thousand through seizures and natural growth. However, since the late XVII century, civil strife and rebellions began to significantly decrease the population of the Kalmyk Khanate. The civil strife ceased only by the early 1740s, when the population decreased to 30,000 tents, in part due to the increase in the number of families per tent. In subsequent years, the population increased to 40,000–45,000 families, but in 1771, the leadership of the Kalmyk Khanate took most of the Kalmyks to Dzhungaria. An analysis of the mobilization potential showed that the maximum number of the Kalmyk cavalry was limited to the norm of “one warrior per two families.” Exceeding this limit was impossible for economic reasons. In the wars of the second half of the XVII – first third of the XVIII century, the Kalmyk Khanate fielded troops of up to 10,000 horsemen. In subsequent wars, up to 20,000 horsemen were sent on campaigns, indicating a significant strain on mobilization forces.

Keywords:

Russian army, nomads, Kalmyks, Russian-Turkish wars, demography, mobilization potential

249]. В начале XVII в. часть торгутов под руководством Хо-Орлэга и часть дербетов во главе с Далай-Баатром, предупредив других лидеров ойратов, откочевали в Южную Сибирь, которая только что была завоевана Ермаком. В 1607 и 1608 гг. Далай-Баатр и Хо-Орлэг соответственно дали тарским воеводам первые шерты (клятвы), получив взамен допуск на местные рынки для торговли лошадьми. Поскольку весь процесс вхождения калмыков в состав России, причины и этапы хорошо описаны в современной литературе, то отсылаем интересующихся к этим работам [1–3 и др.]. Здесь мы лишь констатируем, что в конце

1620-х гг. торгуты Хо-Орлёга вышли в район Эмбы и Яика и стали подчинять себе кочующих здесь ногайцев – данников Российского государства.

Первоначально Москва боролась с новыми пришельцами. Однако после Переяславской рады 1654 г., принявшей решение о вхождении части Украины в состав России, и после того, как Польша, а вслед за ним Крымское ханство объявили войну царю, ситуация изменилась. Ойраты, принявшие буддизм в XVI в., не имели почвы для конфессионального единства с татарами, в отличие от ногайцев. Кроме того, ойраты, как и все монголы позднего средневековья, сохранили и развили центрально-азиатский комплекс вооружения, заметно превосходивший западно-азиатский комплекс вооружения, распространенный у наследников Золотой Орды, в том числе татар и ногайцев [4, с. 56–58]. Поэтому для ведения войны с крымскими татарами ойраты подходили намного лучше, чем ногайцы, что и подтвердили развернувшиеся военные действия. По договорам 1655 и 1657 гг. торгутам, которыми руководил Шукур-Дайчин (сын Хо-Орлёга), в обмен на несение военной службы были предоставлены широкие территории в степях Нижнего Поволжья: по правой стороне Волги – от Астрахани до Царицына, по левой – до Самары. Так в составе России начало складываться новое автономное государственное образование, позже получившее наименование Калмыцкое ханство. Тюркский этноним «калмак» появился еще до XVII в. и использовался в Золотой Орде и других мусульманских государствах чингизидов для обозначения тюрко-монгольских кочевников, не принявших ислам, в том числе и ойратов. Со временем этот термин был заимствован русскими, но с конца XVIII–начала XIX в. он стал использоваться только для обозначения ойратов, оставшихся в России, и даже превратился в их самоназвание (хальмг) [2, с. 36–37].

Численность и этнический состав улусов Калмыцкого ханства почти на всем протяжении XVII в. остаются «terra incognita» для исследователей, которые могут опираться лишь на две незначительные по объему группы источников: делопроизводственную документацию и переписку, а также калмыцкие исторические сочинения XVIII–XIX вв. (анонимные «История калмыцких ханов» и «История Хо-Орлёга», «Сказание об ойратах» ламы Габан-Шараба, «Сказания о дербен-ойратах» нойона Батур-Убаши Тюменя и др.). При этом следует учитывать, что российские чиновники того времени имели весьма смутное представление о численности улусов Хо-Орлёга, Далай-Баатра и других ойратских тайшей. Например, в июне 1607 г. тайша Кугонай Тубиев, прибыв в Тару для шертования, заявил о том, что группировка Далай-Баатра состоит из «12 санов» по 10 тыс. чел. [5, с. 22]. В июне 1608 г. представитель группировки Хо-Орлёга, прибыв для шертования, заявил, что у них в пяти улусах имеется 4 тыс. чел. [там же, с. 36]. В реальности это были этнополитические объединения, вполне сопоставимые по силам.

В XVII–XVIII вв. калмыки-кочевники (а вслед за ними и источники) использовали единицей исчисления кибитку (семью). Конечно, можно принять некий коэффициент исчисления людей в кибитке: $x/4$; $x/5$ и т. д. Однако те немно-

гочисленные сообщения, в которых указываются количество кибиток и людей одновременно, свидетельствуют о том, что данный коэффициент был «плавающим»: в годы военных или экономических кризисов мог увеличиваться (до 20 и даже 30 чел. на кибитку), а в стабильные – уменьшаться до 4. Также следует учитывать, что цифры могли сознательно искажаться, так как информация о численности населения позволяла определить количество воинов или объем налогов (финансовых средств), которое могли дать ханство или улус. Таким образом, при анализе цифровых данных следует по возможности всегда учитывать происхождение источника и степень его заинтересованности в возможном искажении информации. Например, Далай-Баатр в 1633 г. оценил армию Хо-Орлёга в 12 тыс. воинов [6, с. 86], а выходец из калмыцкого плена в 1634 г. сообщил на допросе в Астрахани, что «у Урлюка на конь садитца тысяч з 20» [7, с. 88].

Мобилизационный потенциал гипотетически равнялся количеству кибиток: с одной семьи – один мужчина. Взрослые сыновья недолго оставались в отцовском доме, их быстро женили и выделяли в отдельную кибитку. Однако о том, как проходила мобилизация в XVII–XVIII вв., информации не сохранилось. Калмыцкие ханы и нойоны вплоть до ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. и даже какое-то время после этого самостоятельно занимались формированием своих воинских контингентов, поэтому в российской делопроизводственной переписке XVII–XVIII вв. особенности мобилизации калмыков не отложались.

Однако здесь можно сделать экстраполяцию с событий начала XIX в. В ноябре 1806 г. вышел указ о мобилизации 10 пятисотенных полков калмыков на войну с Наполеоном. Весной 1807 г. это ополчение из калмыцких улусов Астраханской губернии (общей численностью более 13 тыс. кибиток) было собрано. Также 1 тыс. воинов была традиционно направлена на кордоны по рекам Большой и Малой Узень для прикрытия восточных границ против набегов казахов. Таким образом, с 13 тыс. кибиток оказалось собрано более 6 тыс. воинов, т. е. почти каждый второй домохозяин был мобилизован. Эту норму подтвердили и нойоны, установив на совещании 13 февраля 1807 г. такую норму: «...выставить в ополчение по одному калмыку с каждых двух кибиток, снабдив ополченцев тем оружием, какое найдется дома, и выступить в поход одуконь» [8, с. 373]. При этом тот, кто оставался дома, был обязан помогать мобилизованному в его вооружении, а затем вести его хозяйство вместе со своим. Калмыки ходили в военные походы по очереди, которая соблюдалась строго: «... ни старого ни малаго и даже убогаго и богатаго и неспособнаго как то слепых и безногих не обходит» [9, л. 40]. Конечно, инвалиды в походы не ходили, но представляли вместо себя другого воина. Судя по сохранившимся спискам ополчения 1807 г., большинство воинов были в возрасте от 20 до 50 лет, но среди них встречались 17-летние юноши и 60-летние старики.

Такая мобилизация исчерпала людской ресурс калмыцких улусов. Когда летом 1807 г. пристав полковник А. И. Ахвердов сообщил нойонам о необходимости моби-

лизовать еще пять пятисотенных полков для направления на Кавказскую линию, где шли еще две войны с Турцией (1806–1812) и Персией (1804–1813), владельцы улусов стали отказываться. Они подчеркивали, что *«другия же хотя остались и дома, но снабжали бедных к походу из собственного своего капитала деньгами, одеждою, оружием и лошадьми дабы не остановить в поход очереди его <...> не имея при себе никакого оружия нимало не могут быть противу неприятеля ратниками»* [там же, л. 2, 5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мобилизационный потенциал Калмыцкого ханства равен примерно половине количества кибиток. Однако численность населения ханства в целом и улусов, в частности, долгие годы оставалась неизвестной или занижалась по тем или иным причинам.

На мой взгляд, наиболее точно численность населения ханства в середине XVII в. указана в анонимной «Истории калмыцких ханов», сообщавшей о том, что Хо-Орлёг *«взял подвластных своих торгоутов, также хошутов и дербетов, всего 50 тысяч юрт, и, сопровождаемый своими шестью сыновьями, двинулся в сторону заката солнца, оставив джунгарские кочевья»* [10, с. 113]. В 1650 г. выходцы из калмыцкого плена оценили группу улусов Шукур-Дайчина в 30 тыс. кибиток, а группу улусов Лоузана (его родного брата, кочевавшего отдельно) – в 20 тыс. кибиток [1, с. 88]. Цифра в 50 тыс. кибиток появилась и в донесениях русских разведчиков и чиновников в период, когда торгуты окончательно поселились на Нижней Волге [11, с. 65]. Эта цифра коррелирует со сведениями последнего похода Хо-Орлёга в 1644 г., для которого он мобилизовал все свои силы. Тогда Волгу пересекли три группировки калмыков, причем в центральной, которой командовал сам Хо-Орлёг, было 10 тыс. воинов, в левофланговой – 5 тыс. То есть всю армию калмыков в 1644 г. можно оценить в 20–25 тыс. воинов.

Параллельно с Калмыцким ханством в низовьях Волги на территории современного центрального и восточного Казахстана существовала держава Далай-Баатра, которая распалась после его смерти в 1642 г. Часть дербетов в эти и последующие годы откочевала к торгутам. По мнению Г. О. Авляева, их численность составляла 7 тыс. кибиток [там же, с. 103].

Затем на этой территории появились хошуты Кунделен-Убаши, после смерти которого в 1663 г. 3 тыс. кибиток откочевали в состав Калмыцкого ханства. Еще 1 тыс. кибиток хошутов прибыла после гибели джунгарского Сэнгэ-хунтайджи в 1671 г. [12, с. 23].

В 1686 г. на Волгу прикочевал зюнгарский улус Цаган-Батора, который позже перешел на Дон. По утверждениям его преемника Баахан-тайши численность этой группы к началу XVIII в. составила 1 тыс. кибиток [13]. Если учесть, что в 1702 г. донские зюнгары Баахан-тайши и Даши-Батора направили к Б. П. Шереметьеву 470 воинов [14], то указанная цифра с учетом вышеупомянутого коэффициента мобилизации выглядит вполне реальной. В 1697 г. в Калмыцкое ханство прибыл еще один зюнгарский улус в 1 тыс. кибиток (приданое юной ханши Дармабалы).

Помимо монголоязычных ойратов в составе Калмыцкого ханства числились также ногайцы, которые в походы с калмыками не ходили (если не считать малочисленные отряды Бахты-Гирея, сбежавшего из Крымского ханства и действовавшего в союзе с калмыками в 1720–х гг.). Точная численность ногайцев в составе Калмыцкого ханства неизвестна. Однако в сочинениях Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя утверждалось, что численность улусов Шукур-Дайчина (правившего в 1645–1661 гг.) выросла до 100 тыс. кибиток [10, с. 97, 146]. Если учесть, что численность торгутов тогда составляла чуть более 50 тыс. кибиток, то общую численность ногайцев в Калмыцком ханстве в середине XVII в. можно оценить примерно в 50 тыс. кибиток.

В 1671 г., воспользовавшись поражением калмыков после нападения хошутов Аблая, часть малых ногайцев под руководством Ямгурчя сбежали на Кавказ. Позже известный российский историк и чиновник В. Н. Татищев оценил численность населения Калмыцкого ханства при Аюке (начал править в 1669 г.) в 100 тыс. кибиток: 70 тыс. калмыцких и более 30 тыс. татарских [15]. Очевидно, что калмыцкие улусы увеличились как за счет появления новых групп ойратов (дербетов, хошутов, зюнгаров), так и за счет прироста населения. Численность ногайцев приводится уже без учета малых ногайцев, сбежавших за Терек. Впрочем, какая-то часть малых ногайцев осталась в калмыцких кочевьях. Кроме того, в составе Калмыцкого ханства были и другие небольшие группы тюрков (туркмены, иштюты, томуты и др.), входившие в состав других улусов.

В конце XVII–начале XVIII в. численность населения Калмыцкого ханства в результате междоусобиц сократилась еще больше: теперь уже на треть. В 1696 г. мурзы Джагмат и Агаш подняли мятеж и увели на Кубань подчиненных им больших ногайцев, а также оставшихся малых ногайцев и часть джембулуков и едисанов. В составе улуса Чагдорчжаба (старшего сына Аюки) осталось только 12 тыс. кибиток едисанов и 3 тыс. кибиток джембулуков. В 1701 г. мятеж против Аюки подняли его сыновья от старшей жены. Один из них – Санчжаб, увел 15 тыс. кибиток в Джунгарию. В результате этого, численность Калмыцкого ханства сократилась до 70 тыс. кибиток, в том числе 15 тыс. ногайских, о чем писал в июле 1742 г. наместник Дондук-Даши (внук Аюки-хана), оценивая численность ханства перед смертью Аюки в 1724 г. [16, с. 316].

В 1715 г. кубанский султан Бахты-гирей напал на Аюку и увел последние 15 тыс. едисанов и джембулуков. Позже он оказался в оппозиции к крымскому хану и стал союзником калмыков. В 1717 г. он даже помог Чагдорчжабу вернуть часть едисанов, джембулуков и больших ногаев. Однако в 1722 г. ханский наследник умер, и при дележе его наследства вспыхнули междоусобицы, во время которых ногайцы вновь сбежали на Кубань. Дабы исключить их возможное возвращение к калмыкам, крымский хан перевел беглецов за Днепр, в Буджакскую орду. В 1736 г. новый наместник Дондук-Омбо во время походов на Кубань принудил малых ногайцев перейти на Куму и платить дань. Однако в 1740 г. под давлением царского правительства Дондук-Омбо (уже возведенный в ханы за военные заслуги)

ги) был вынужден отказаться от своей власти над ногайцами.

Таким образом, в первой трети XVIII в. падение численности населения Калмыцкого ханства продолжилось как за счет откочевков, произошедших вследствие междоусобиц, так и за счет внутренней убыли, и естественный прирост не мог компенсировать эти потери. При этом ханство стало фактически моноэтничным и моноконфессиональным (небольшие группы мусульман – томатов, туркмен и т. д. можно не учитывать). Характерно, что во второй половине XVII–первой четверти XVIII в. калмыки на войны с противником посылали отряды численностью 3–5 тыс. воинов, хотя зачастую это могли быть отборные «пансырники». Лишь в редких случаях направлялись 10 тыс. воинов, как, например, в 1711 г. в Кубанский поход П. М. Апраксина.

В 1731 г. началась новая междоусобица. Ряд нойонов во главе с Дондук-Омбо подняли мятеж против нового хана (до 1731 г. наместника) Церен-Дондука, а затем откочевали на Кубань. В последующем к мятежным нойонам перешли (добровольно или под принуждением) ряд других улусов. В результате этого, на Кубани сконцентрировалась большая часть Калмыцкого ханства – 30 тыс. кибиток, в то время как у хана Церен-Дондука осталось не более 10 тыс. кибиток [17]. Видно, что население Калмыцкого ханства вновь заметно сократилось (с 55 тыс. до 40 тыс. кибиток).

В условиях надвигающейся русско-турецкой войны правительство Анны Иоанновны признало Дондук-Омбо новым наместником Калмыцкого ханства и уговорило его вернуться в Россию. В новой войне 1735–1739 гг. калмыки приняли активное участие, посылая свои отряды в походы на Кубань или Кавказ каждый год (а то и два раза в год). Помимо этого, отдельные отряды направлялись в армию П. П. Ласси под Азов и в Крым. Утверждалось, что общая численность калмыцких контингентов достигала 40 тыс. сабель, но данная оценка с учетом вышеприведенного мобилизационного коэффициента представляется завышенной. Тем не менее эта война и новые междоусобицы, последовавшие после смерти Дондук-Омбо в 1741 г., вновь сократили численность калмыцких кибиток. Например, в 1742 г. новый наместник Дондук-Даши сообщил, что калмыков «ныне» всего лишь немногим более 20 тыс. [18]. На мой взгляд, это явное преуменьшение, призванное демонизировать его предшественника. Более точной следует признать оценку В.Н. Татищева, писавшего в 1744 г., что в ханстве «ныне всех тридцати тысяч [кибиток – У. О.] нет» [16, с. 316].

Однако, на наш взгляд, демографические потери на самом деле были не столь велики. Экономике Калмыцкого ханства действительно был нанесен огромный урон, однако массовый голод в документах не фиксировался. Разоренные скотоводы, лишившись скота, перешли к Волге и Каспию, где стали кормиться рыболовством (что следует расценивать как признак нищеты у кочевников). Кроме того, в результате междоусобиц, боев, разграбления имущества, часть жилищ была уничтожена. Бездомные кочевники переходили к своим родственникам, которые

по нормам обычного права не могли отказать им в крове. В результате этого фиксируется заметное возрастание средней численности людей в кибитке. Многие калмыки, покинувшие улусы, выбывали из местной системы учета. Часть из них покинула пределы ханства, вступая в казацкие войска (в которых численность калмыков возросла до 19 тыс. чел.) или оседая вблизи городов. Если в 1728 г. в Царицыне, Дмитриевске (Камышине) и Саратове значилось 278 семей калмыков, то к 1734 г. их численность достигла 589 семей [19].

После захвата Джунгарского ханства цинскими войсками в 1755 г. и жестокого подавления восстания Амурсаны 1756–1757 гг. огромное количество ойратов бежало в соседние государства, в том числе в Россию. Царское правительство разрешило принимать беженцев в русское подданство, но при условии, что они будут переходить в православие. Часть ойратов согласилась и была направлена в Ставропольское калмыцкое войско (в среднем Поволжье). Но большинство ойратов отказались от крещения и их передали в состав Калмыцкого ханства (до 2,8 тыс. кибиток). В числе последних был отряд нойона Шеаренга (около 10 тыс. чел.) и группа ойратов во главе с вдовой Амурсаны [20].

В период правления Дондук-Даши и его сына Убаши внутривосточная ситуация стабилизировалась, начался рост населения Калмыцкого ханства. «Бескотные» калмыки, осевшие было на берегах Волги, стали «обрастать скотом» и возвращаться в свои кочевья. Начались побег калмыков из казацких войск обратно в родные улусы. В 1767 г. по предписанию Коллегии иностранных дел наместник Убаши провел перепись. Нойоны, опасаясь введения подушевого налогообложения, явно занизили численность своих улусов. На мой взгляд, процент «утаенных» кибиток составил около 10 %. Результаты переписи 1767 г. приводятся в разных документах по-разному: 40 222, 41 523, 42 107 кибиток [21]. Отмечается также и наличие в составе ханства небольшого количества астраханских татар и ногайцев (например, у хана было 1129 кибиток).

Несмотря на значительное сокращение численности ханства, численность калмыцких воинских контингентов заметно выросла. В русско-турецких войнах 1735–1739 и 1768–1774 гг. калмыки выставляли по 20 тыс. всадников (что свидетельствует о предельном напряжении сил ослабленного ханства), а в некоторых случаях якобы даже 40 тыс. (что представляется явным преувеличением). Это и стало одной из причин того, что наместник Убаши и группа нойонов, недовольные политикой царского правительства, составили заговор и в 1771 г. увели большую часть улусов в Джунгарию. По подсчетам астраханской администрации, ориентированной на сообщения нойонов, на Волге осталось примерно 11 258 кибиток. По данным китайской хроники «Дай Цин личао шилу», из России ушли 169 тыс. чел. (33 тыс. кибиток), а до китайских границ дошли 85 тыс. чел. [22, с. 63].

В октябре 1771 г. Екатерина II ликвидировала Калмыцкое ханство. Все оставшиеся тюркские группы были выведены из калмыцкого подданства. В 1783 г. Калмыцкая

экспедиция провела перепись, по которой численность калмыков составила 13 059 кибиток [23, с. 55–56]. Генеральная ревизия 1795 г. показала наличие 13 158 кибиток.

Как уже было показано выше, мобилизационный потенциал такой численности калмыков составлял всего 6 тыс. воинов, что коренным образом отразилось на расстановке сил на юге страны и вынудило царское правительство кардинально укреплять южные рубежи (формирование Каспийского, затем Кавказского корпусов, строительство укрепленных линий от Азовского до Каспийского морей, перевод на нее ряда казачьих войск и полков).

Таким образом, мы проследили демографическую историю Калмыцкого ханства от его начала в середине XVII в. (50 тыс. кибиток), возвышения в последней трети XVII в. (100 тыс. кибиток) и до конца в 1771 г. (12 тыс. кибиток). Очевидно, что демографическая история калмыков явилась ярким отражением политических и социально-экономических процессов, происходивших в ханстве в указанные годы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. / под ред. К. Н. Максимова [и др.]. – Элиста, 2009. – Т. 1. – 848 с.
2. Калмыки / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. – М., 2010. – 568 с.
3. Очиров, У. Б. Калмыки в составе Российского царства и империи / У. Б. Очиров, И. В. Лиджиева // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1> (дата обращения: 26.09.2025).
4. Бобров, Л. А. Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия / Л. А. Бобров // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. – Київ, 2014. – С. 47–63.
5. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. / сост.: Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред.: И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М., 1959. – 352 с.
6. Богоявленский, С. К. Материалы по истории калмыков в 1-й пол. XVII в. / С. К. Богоявленский // Исторические записки. – 1939. – № 5. – С. 48–101.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР / под ред. Н. В. Устюгова [и др.]. – Т. 1. – М., 1967. – 479 с.
8. Максимов, К. Н. Калмыки в наполеоновских войнах / К. Н. Максимов, У. Б. Очиров. – Элиста, 2012. – 519 с.
9. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 84.
10. Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред. А. В. Бадмаев. – Элиста, 2003. – 477 с.
11. Авляев, Г. О. Происхождение калмыцкого народа (IX – 1 четверть XVIII вв.) / Г. О. Авляев. – М.; Элиста, 1994. – 249 с.
12. Бакунин, В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / В. М. Бакунин. – Элиста, 1995. – 153 с.
13. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 10. Л. 63 об.–64.
14. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 14. Л. 4.
15. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 177. Л. 35.
16. Батмаев, М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт / М. М. Батмаев. – Элиста, 1993. – 381 с.
17. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737 г. Д. 51. Л. 1.
18. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 150. Л. 126.
19. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1728 и 1734 гг. Д. 23. Л. 1–38.
20. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1758 г. Д. 6. Л. 39.
21. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 412. Л. 56.
22. Санчилов, В. П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. / В. П. Санчилов // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. – Элиста, 1983. – С. 60–77.
23. Бадняева, Л. В. К вопросу о численности населения калмыцких улусов после 1771 года / Л. В. Бадняева // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: материалы Международной научной конференции (Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). – Элиста, 2002. – С. 55–62.

References

1. Istorija Kalmykii s drevnejshix vremen do nashih dnei [The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]: in 3 vols. – Elista, 2009. – Vol. 1. – 848 p.
2. Kalmyki [The Kalmyks] / Ch. Ed. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya. – Moscow, 2010. – 568 p.
3. Ochirov, U. B. Kalmyki v sostave Rossijskogo tsarstva i imperii [Kalmyks as part of the Russian Tsardom and Empire] / U. B. Ochirov, I. V. Lidzhieva // Istorija [History J.]. – 2019. – Vol. 10. – URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1> (accessed: 26.09.2025).
4. Bobrov, L. A. Kalmytskaya konnitsa v Russko-polskoj vojne 1654–1667 godov. Vooruzheniya, taktika, voennaya strategiya [The Kalmyk Cavalry in the Russo-Polish War of 1654–1667. Armaments, tactics, and military strategy] / L. A. Bobrov // Istorija davnoi zbroi. Doslidzhennya 2014 [The history of ancient weapons. Achievements in 2014]: collection. – Kiev, 2014. – P. 47–63.
5. Materialy po istorii russko-mongolskih otnoshenij. 1607–1636 gg. [Materials on the history of Russian-Mongolian relations. 1607–1636]. – Moscow, 1959. – 352 p.
6. Bogoyavlensky, S. K. Materialy po istorii kalmykov v 1-i pol. XVII v. [Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the XVII century] / S. K. Bogoyavlensky // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. – 1939. – № 5. – P. 48–101.
7. Oчерki istorii Kalmytskoj ASSR [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. – Vol. 1. – Moscow, 1967. – 479 p.
8. Maksimov, K. N. Kalmyki v napoleonovskih vojnah [Kalmyks in the Napoleonic Wars] / K. N. Maksimov, U. B. Ochirov. – Elista, 2012. – 519 p.

9. Nacionalny arhiv Respubliki Kalmykiya [National Archives of the Republic of Kalmykia] (hereinafter – NA RK). F. И-1. Op. 1. D. 84. L. 2, 5.
10. Lunny svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki [Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments] / Ed. A. V. Badmaev. – Elista, 2003. – 477 p.
11. Avlyayev, G. O. Proishozhdenie kalmytskogo naroda (IX – 1 chetvert XVIII vv.) [The Origin of the Kalmyk People (IX – 1st quarter of the XVIII century)] / G. O. Avlyayev. – Moscow – Elista, 1994. – 249 p.
12. Bakunin, V. M. Opisanie kalmytskih narodov, a osoblivo iz nihy torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladeltsev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, especially the Torgut people, and the actions of their khans and owners. Written in 1761] / V. M. Bakunin. – Elista, 1995. – 153 p.
13. Arhiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii MID RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] (hereinafter – AVPRI). F. 119. Op. 1. 1720 g. D. 10. L. 63 ob. – 64.
14. AVPRI. F. 119. Op. 1. 1726 g. D. 14. L. 4.
15. NA RK. F. I-36. Op. 1. D. 177. L. 35.
16. Batmaev, M. M. Kalmyki v XVII – XVIII vekah. Sobytiya, lyudi, byt [Kalmyks in the XVII – XVIII centuries. Events, people, everyday life] / M. M. Batmaev. – Elista, 1993. – 381 p.
17. AVPRI. F. 119. Op. 1. 1737 g. D. 51. L. 1.
18. NA RK. F. I-36. Op. 1. D. 150. L. 126.
19. AVPRI. F. 119. Op. 1. 1728 i 1734 gg. D. 23. L. 1–38.
20. AVPRI. F. 113. Op. 1. 1758 g. D. 6. L. 39.
21. NA RK. F. I-36. Op. 1. D. 412. L. 56.
22. Sanchirov, V. P. Privolzhskie kalmyki v sostave Tsinskoj imperii v konce XVIII v. [The Volga Kalmyks as part of the Qing Empire in the late XVIII century] / V. P. Sanchirov // Obshhestvenny stroj i socialno-politicheskoe razvitie dorevolucionnoj Kalmykii [Social structure and socio-political development of pre-Revolutionary Kalmykia]. – Elista, 1983. – P. 60–77.
23. Badnyaeva, L. V. K voprosu o chislennosti naseleniya kalmytskih ulusov posle 1771 goda [On the population of the Kalmyk Uluses after 1771] / L. V. Badnyaeva // Kalmyki i ih sosedi v sostave Rossijskogo gosudarstva [Kalmyks and their neighbors as part of the Russian state]. Materials of Intern Sci. Conf. (Elista, September 7–11, 2001). – Elista, 2002. – P. 55–62.

Информация об авторе:

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий отделом военной истории Калмыцкого научного центра РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9957-5215> (358000, Российская Федерация, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8; e-mail: utash-ochirov@yandex.ru).

Author:

Utash B. Ochirov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Military History at the Kalmyk Science Centre, RAS; <https://orcid.org/0000-0001-9957-5215> (8, Ilishkin st., Elista 358000, Russian Federation; e-mail: utash-ochirov@yandex.ru).

Для цитирования:

Очиров, У. Б. Численность населения Калмыцкого ханства во второй половине XVII–XVIII веке и его мобилизационный потенциал / У. Б. Очиров // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 7–12.

For citation:

Ochirov, U. B. The population of the Kalmyk Khanate in the second half of the XVII – XVIII centuries and its mobilization potential / U. B. Ochirov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical Demography». – 2025. – No. 9 (85). – P. 7–12.

Дата поступления статьи: 17.10.2025

Прошла рецензирование: 30.10.2025

Принято решение о публикации: 31.10.2025

Received: 17.10.2025

Reviewed: 30.10.2025

Accepted: 31.10.2025